

СТАТЬИ

Г. Л. КУРБАТОВ

ВОССТАНИЕ ПРОКОПИЯ

(365—366 гг.)

Наступившая после бурных потрясений III в. известная стабилизация экономической и политической жизни империи оказалась весьма кратковременной. Уже во второй половине IV в. началась полоса нового острого социального кризиса. Развернувшиеся в восточных провинциях народные движения, сливавшиеся на Балканах и в Малой Азии с готскими вторжениями и восстаниями в армии, превратились в последней четверти этого столетия в настоящую народную войну, угрожавшую самому существованию империи.

Первое крупное выступление народных масс восточных провинций, открывшее эту почти непрерывную цепь волнений и восстаний, в течение более четверти века потрясавших империю, связано с восстанием Прокопия. Выступление стремившегося к захвату власти узурпатора всколыхнуло и привело в движение широкие народные массы. В ходе этого движения складывался и креп союз народных низов империи с варварами, а его неудача во многом подготовила тот ожесточенный взрыв классовой борьбы, который привел империю к адрианопольской катастрофе. Причины, побудившие широкие народные массы империи принять участие в восстании Прокопия, определяли их борьбу и в последующие годы.

Поэтому было бы неправильно отрывать восстание Прокопия от событий классовой и социальной борьбы последней четверти IV столетия. Между тем именно такой подход присущ большинству буржуазных исследователей, занимающихся этим периодом. В центре их внимания стоит личность самого Прокопия, и естественно, что и все движение рассматривалось ими только как одна из весьма частых в этот бурный период попыток узурпации, как восстание очередного «тирана»¹. В лучшем случае делались попытки в самой общей форме отметить связь выступления Прокопия с интересами тех или иных кругов господствующего класса².

Естественно, что, рассматривая события 365—366 гг. только как неудачную попытку Прокопия захватить власть, буржуазные историки вообще не уделяли восстанию сколько-нибудь значительного внимания. О нем, правда, так или иначе упоминается во многих общих работах по истории Римской империи и истории Византии, но нет ни одного спе-

¹ O. Seeck. *Geschichte des Untergangs d. antiken Welt*, Bd. V. Berlin, 1913, S. 45—57; *Cambridge Medieval History*, I, Oxford, 1924, p. 219—221; E. Stein. *Geschichte des Spätromischen Reiches*, Bd. I. Wien, 1928, S. 270—271; *Histoire Générale*, par G. Glotz. *Histoire Romaine*, t. IV, A. Pignaniol. *L'Empire Chrétien* (325—395), 2-me éd. Paris, 1947, p. 154—155; RE, VII, 2, 1948, col. 2097—2137.

² *Histoire Générale*, t. IV, p. 154—155; A. Solari. *Il Rinascimento dell'Impero Romano*, vol. I. Milano—Genova—Roma—Napoli, 1938, p. 9—10.

циально ему посвященного исследования, за исключением небольших статей Солари по отдельным частным его вопросам, опубликованных в 1931—1934 гг. в журналах «Byzantion» и «Rivista di Filologia...»³.

Между тем это сложное по своему социальному характеру движение, в котором, как в фокусе, отразились многие противоречия, раздиравшие восточноримское общество второй половины IV в., и прежде всего противоречие между народными массами и господствующим классом империи, безусловно заслуживает более пристального внимания.

Советские историки уже сделали первые шаги в изучении некоторых вопросов, связанных с восстанием Прокопия. Так, А. Д. Дмитриев в статье «Восстание вестготов на Дунае» показал подъем народного движения на Балканах, происходивший во время восстания Прокопия⁴. Однако в его задачу не входил анализ причин восстания, его движущих сил и причин поражения. Именно на этих вопросах мы и попытаемся сосредоточить свое внимание в этой статье.

* *

*

Видимое благополучие империи в первой половине IV в. было результатом крайнего усиления эксплуатации подавляющего большинства ее населения. С начала правления Константина ко второй половине IV в. тяжесть налогов значительно увеличилась. Колоны все более энергично прикрепляются государством к месту своей приписки, чтобы ограничить для них возможности бегства от двойного гнета — своих господ и государства. — 30 октября 332 г. был издан первый эдикт *de fugitivis colonis*⁵, а затем указы о прикреплении колоннов следуют один за другим на протяжении всего IV в. Весьма многочисленные в восточных провинциях мелкие земельные собственники — свободные крестьяне — быстро разоряются под бременем налогов. Уже закон 315 года категорически запрещал чиновникам фиска отбирать у земледельцев в уплату за недоимки рабов и упряжной скот⁶. Описывая положение земледельцев сельской округи Антиохии в середине IV в., Либаний говорит о том, что многие из них вынуждены были бросать свои участки и искать иных способов к существованию⁷. Законодательство IV в. свидетельствует о непрерывном росте *agri deserti*, приисканию новых держателей которых государство уделяло немалое внимание, обещая им трехлетнее освобождение от податей и другие льготы⁸. Все большее число колоннов, мелких земельных собственников и куриалов ищут спасения от поборов фиска у крупных собственников. Уже из эдикта 360 года мы узнаем о переходе под патронат целых общин, переставших уплачивать государственные налоги⁹. С этого времени борьба против патроната становится одной из важных забот правительства, не желавшего лишаться налогоплательщиков¹⁰. Множество разоренных поборами крестьян, бежавших

³ A. Solari. La rivolta Procopiana a Constantinopoli. Byz. № 7, 1932, p. 143—148; idem. La strategia nel conflitto tra Valente e Procopio. Rivista di Filologia d'istruzione classica. Torino, 1933, № 4, p. 482—486.

⁴ А. Д. Дмитриев. Восстание вестготов на Дунае и революция рабов. ВДИ, № 1, 1950, стр. 67—70.

⁵ Cod. Theod., V, 17, 1.

⁶ Cod. Theod., II, 30, 1.

⁷ Liban., Orationes. Rec. F. Foerster. t. I—XII, Lipsiae, 1906—1924. Orat. XVIII, 289.

⁸ Cod. Theod., V, 11, 8 = Cod. Just., XI, 59, 1.

⁹ Cod. Theod., XI, 24, 1.

¹⁰ Cod. Theod., XI, 24, 1—3.

от своих господ, рабов и колонов ищут спасения в монастырях. Середина IV в. — это время чрезвычайно стремительного развития монастырей, которые, как грибы после дождя, множились в большинстве восточных провинций. Число неимущих, бежавших в монастыри было так велико, что государство вынуждено было предпринять экстренные меры для ограничения роста монастырей и возвращения из них к своим гражданским обязанностям многих бежавших туда. Император Валент с помощью военной силы закрывал многие монастыри, возвращая часть беглецов в их прежнее состояние и пополняя армию за счет способных нести военную службу монахов¹¹. Если одни из бежавших от гнета своих владельцев и государства создавали монастыри или вели отшельнический образ жизни, то множество других объединялись в отряды *latrones*. Источники этого времени говорят о чрезвычайно широком развитии движения *latrones*. Так, по словам Иоанна Златоуста, правительство вынуждено было на всех крупных дорогах держать на небольшом расстоянии друг от друга сильные сторожевые посты для охраны путников¹². Еще более разительно свидетельство Либания, который, правда несколько позже, в 387 г., опасался, что в результате вспыхнувших в Антиохии волнений сирийские *latrones* легко смогут захватить и разграбить город¹³.

Значительное количество беглого сельского населения стекалось в города в поисках работы и средств к существованию. Однако и положение городской бедноты, многочисленных в городах восточных провинций мелких свободных ремесленников и торговцев и особенно поденщиков было очень тяжелым. По словам Иоанна Златоуста, как «к земледельцу, так и к торговцу многие приступают со всех сторон, принуждая платить подати и требуя каждый своей доли»¹⁴. После введения в 314 г. хрисаргира, ложившегося основной своей тяжестью на торгово-ремесленную бедноту, положение последней еще более ухудшилось. Так же как и у мелких земледельцев, и у городской бедноты росли недоимки по податям, требование уплаты которых заставляло наименее обеспеченных продавать не только свое имущество и орудия труда, но даже и собственных детей, что и было узаконено уже Константином¹⁵. К хрисаргиру, ложившемуся на всех занятых каким-либо ремеслом, торговлей или промыслом, вплоть до проституции и нищенства, следует добавить все увеличивавшиеся муниципальные поборы и вымогательства куриалов. Среди ремесленников также растет стремление отказаться от своих профессий, иногда даже укрыться под сенью патроната и искать иным путем средства к существованию. Поэтому с 20-х годов IV в. правительство проводит все более жесткую политику прикрепления ремесленников и торговцев к своим профессиям и корпорациям¹⁶.

На почве растущего недовольства народных масс города с середины IV в. становятся все более частыми городские волнения, отмеченные источниками во многих крупных городах восточных провинций: Константинополе, Александрии, Антиохии, Кесарии Кападокийской и др.¹⁷

Бедствия народных масс восточных провинций усугублялись в первой половине — середине IV в. длительными и в целом неудачными войнами

¹¹ Iohannes Chrysostomos. PG, t. 47, col. 319—328.

¹² Ibid., t. 47, col. 458.

¹³ Liban., Orat., XXXIII, 16.

¹⁴ Ioh. Chrys., PG., t. 47, col. 390. Cp. Zosimus. Historia nova. Ed. L. Mendelssohn. Lipsiae, 1887, II, 38, 2—3.

¹⁵ Cod. Just., IV, 43, 2.

¹⁶ Cod. Theod., XIII, 5, 1—2; X, 20, 1; XIV, 4, 1.

¹⁷ Liban., Orat., XVI, 14; Ep., 1141, 1429.

с Ираном, подготовка к которым сопровождалась новыми тяготами, когда «люди всех классов и всех профессий подвергались всяким поборам: все были обязаны поставлять одежду, оружие и различные изделия, золото и серебро, запасы разнообразного продовольствия и перевозочные средства»¹⁸.

Не улучшилось положение народных масс империи и после вступления на престол Валентиниана и Валента. Валент, которому досталась в управление восточная половина империи, готовясь к новой войне с Ираном, продолжал жесткую податную полигику своих предшественников.

Наиболее сильно рост недовольства в это время проявляется в балканских провинциях, особенно во Фракии, где до IV в. значительная часть крестьянства еще сохраняла свою свободу и где как раз в IV в. происходит его массовое закрепощение.

Источники рисуют Фракию как богатую земледельческую область, где крупное землевладение стало развиваться уже тогда, когда рабовладельческие отношения вступили в стадию своего разложения. Полисный строй здесь так и не получил преобладающего развития. Либаний с презрением отзываясь о фракийских городах, говоря, что это скорее большие деревни, чем города¹⁹. В то же время авторы сообщают о больших и богатых селениях — *vici publici*, *κῆραι*²⁰. Здесь широко сохранились общинно-родовые отношения с общим владением землей²¹. И Либаний и Иоанн Златоуст единодушно характеризуют Фракию как «варварскую страну», а фракийцев ставят наряду со «скифами» и другими варварами, населявшими пограничные районы империи²². Правительство высоко ценило военные качества фракийцев. Автор «*Expositio totius mundi*» в середине IV в. пишет: «Фракия... населена рослыми и отважными в битвах людьми, так что отсюда обычно вербуют воинов»²³. Значительную группу населения Фракии составляли военные поселенцы и ветераны, поскольку эта провинция наряду с Иллирией была одним из важных источников пополнения армии. Готовясь к новым войнам, императоры IV в. рекрутировали ядро своей армии во Фракии. Аммиан Марцеллин пишет о Констанции, что именно во Фракии он «набирал рекрутов, пополнял крепкими молодыми солдатами легионы, которые пользовались на Востоке славой не за одну выдержанную ими битву»²⁴. Остававшиеся необработанными земли провинции в IV в. заселялись варварами, помещавшимися на положении федератов²⁵. После иранской кампании Констанций, по свидетельству Либания, расселил там пленных, по-видимому, на положении колонов, «сделал территорию Фракии культурной, доставив ей земледельцев»²⁶.

Фракия становится одним из основных земледельческих районов империи, славившимся своим зерном²⁷. Фракийский хлеб в значительном количестве шел на снабжение столицы.

¹⁸ Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt. Leipzig, 1874—1875, XXI, 6, 5.

¹⁹ Например, в Orat., XI, 207, он пишет „о плохих городах, каких много во Фракии, где несколько хижин составляют город“.

²⁰ Amm. Marc., XXXI, 6, 4—6; Eunap., fr. 42 (FHG, t. IV).

²¹ Г. Цанкова. Население на Источната Римска империя. ИП, 2, 1951, стр. 144.

²² Liban., Orat., XXXIII, 16; Joh. Chrys., t. 50, col. 600.

²³ Expositio totius mundi, § 50, ed. C. Mullerus. Geographi graeci minores, t. 2. Parisiis, 1861.

²⁴ Amm. Marc., XXVII, 29.

²⁵ Amm. Marc., XX, 8.

²⁶ Liban., Orat., LIX, 85.

²⁷ Amm. Marc., XXIV, 40.

Уже со второй половины III в. здесь постепенно развивается крупное землевладение в результате наделения земельными участками жителей провинции, достигших высоких постов на гражданской и особенно военной службе²⁸. Однако особенно ускоряется этот процесс в связи с превращением захудалого фракийского городка Византия в столицу империи — Константинополь, население которого уже через несколько десятилетий исчислялось сотнями тысяч жителей. Огромный город преобразовывал экономическую и политическую жизнь провинции. Константинопольская знать жадно тянулась к лежавшим неподалеку от новой столицы землям, которые им весьма охотно раздавали императоры. Закабаление фракийского крестьянства резко усилилось, так как свободное крестьянство быстро разорялось под бременем налогов. Письмо Юлиана к фракийцам показывает, что за свободным населением провинции задолго до начала его правления накопились большие недоимки по податям, которые были разложены на последующие годы и взимались сверх суммы обычного налога. Незадолго до восстания Прокопия, в 362 г., фракийцы, доведенные до отчаяния невыносимыми поборами, обратились к Юлиану с просьбой освободить их от выплаты задолженности хотя бы за этот год. По-видимому, учитывая действительно крайне тяжелое положение провинции, Юлиан освободил их от уплаты половины задолженности за 362 год²⁹. Во второй половине IV в. многие свободные колонны начинают переходить на положение адскриптициев. Относящийся к 377 г. эдикт Валента свидетельствует уже о значительном распространении этой категории зависимого населения во Фракии³⁰.

Фракийское крестьянство (*agrestes*) упорно отстаивало свою свободу, находя поддержку среди поселенных на границах империи готов-федератов, а близость свободной варварской периферии позволяла им рассчитывать и на поддержку варваров из-за рубежа.

Борьба фракийского крестьянства сливалась с выступлениями многочисленных прикрепленных к своему тяглу ремесленников, государственных рабов, работавших в принадлежавших фиску крупных мастерских, осужденных, трудившихся в рудниках и копях. В связи с превращением Константинополя в экономический и политический центр империи и возросшим военным значением Фракии государство чрезвычайно энергично развивает здесь горные промыслы, добычу и обработку металлов, организует многочисленные государственные мастерские. В балканских районах, например, было сосредоточено 40% всего оружейного производства — 6 из 15 известных в империи крупных оружейных мастерских³¹. Нет нужды приводить данные о постоянном недовольстве государственных ремесленников и работников на рудниках: об этом достаточно убедительно свидетельствуют уже обилие эдиктов об их бегстве и высокие штрафы за укрывательство. Один из таких эдиктов, предписывающий усилить борьбу с бегством металлургов, был издан как раз незадолго до восстания Прокопия³².

Царившее во Фракии недовольство усиливалось грабительством хозяйничавшего в провинции и в Константинополе Петрония, тестя императора Валента. По словам Аммиана Марцеллина, «он сгорал желанием обобрать всех без разбора до нитки, присуждал виновных и невинных после утон-

²⁸ См. рецензию Е. М. Штаерман на M. P a l l a s s e. *Orient et Occident. A propos du colonat romain au Bas-Empire*. Lyon, 1950. ВВ, VII, 1953, стр. 327.

²⁹ Julian., Ep., 73, p. 428 C—D.

³⁰ Cod. Just., XII, 39, 2.

³¹ Велизар Велков. Селото и градът в Тракия и Дакия през IV—V в. от н. е. ИП, № 4, 1955, стр. 36—37.

³² Cod. Theod., X, 19, 5.

ченных пыток к уплате в четверном размере, разыскивал недоимки с самых давних времен, со времени Аврелиана, и приходил в отчаяние, если ему случалось отпускать кого-нибудь не осудив...; богатея за счет других, он был неумолим, жесток и чрезмерно бессердечен...; горестные события, благодаря Петронию, привели в запустение многие дома как бедные, так и знатные, и ожидание еще более тяжелого положения в будущем глубоко удручало как жителей провинции (*provinciales*), так и солдат (*milites*), стоявших под одинаковым бременем. Все единодушно, хотя, конечно, тайно и без слов, умоляли бога об изменении настоящего положения»³³.

Правительством Валента была недовольна и значительная часть жителей Константинополя³⁴. Об этом, в частности, достаточно явственно говорят события, имевшие место в Константинополе до восстания Прокопия: за полтора года до него в столице произошли крупные народные волнения, когда, по словам Либания, выступили «некоторые презренные и бездомные люди»³⁵.

Напряженная обстановка во Фракии усугублялась и назревавшей войной с готами, с которыми империя почти в течение целого столетия находилась в более или менее дружественных отношениях. За это время связи между Фракией и задунайскими областями, населенными готами, заметно упрочились. Установились постоянные и весьма оживленные торговые отношения, о размерах которых позволяют судить находки в пограничных с готами городах крупных кладов монет времени от Константина до Юлиана (один из кладов, например, содержал несколько тысяч монет)³⁶. Готские купцы свободно торговали на всей территории Фракии, посещали любые города и торговые пункты³⁷. Вывозя вино, масло, соленую рыбу, ткани, оружие, драгоценности, во Фракии они продавали главным образом рабов, спрос на которых заметно увеличился в связи с ростом крупного землевладения. Аммиан Марцеллин сообщает, что при Юлиане готские рабы постоянно продавались на рынках восточной половины империи и, по-видимому, общее их число в империи было весьма значительным³⁸. Подавляющее их большинство, очевидно, оседало во Фракии. Однако, несмотря на внешне дружественные отношения, правительство, обеспокоенное усилением задунайских готов и ростом недовольства народных масс провинции, все возрастающим в ней числом варваров-поселенцев и готских рабов, потенциальных союзников своих соплеменников — задунайских готов, — начиная со второй половины IV в. уделяет все большее внимание укреплению Фракии. Уже Юлиан приводил в порядок укрепления во всех городах Фракии и пограничных крепостях и проявлял особую заботу о снабжении расположенных там гарнизонов оружием, одеждой и продовольствием³⁹. Укрепление пограничной линии по Дунаю было продолжено при Валенте, который начинает все более стеснять свободу торговли с готами, стремясь ограничить ее несколькими пограничными городами и не допускать готских купцов свободно разъезжать по всей территории провинции⁴⁰. Возможно, что уже в это время правительство начинает ограни-

³³ Амм. Марс., XXVI, 6, 7—9.

³⁴ Амм. Марс., XXVI, 6, 17.

³⁵ Liban., Ep., 1429 A—B.

³⁶ Велизар Велков. Сведения на Темистий за Тракия. Българска Академия на науките. Археологически институт. Известия, кн. XIX. София, 1955, стр. 251—252.

³⁷ Themistii orationes. Ed. Dindorf. Lipsiae, 1832. Orat. X, 135 c.

³⁸ Амм. Марс., XXII, 7, 8.

³⁹ Амм. Марс., XXII, 7, 7: „urbis quin etiam per Thraciam omnes cum munitis reparans extimis“.

⁴⁰ Велизар Велков. Ук. соч., стр. 251—254.

чивать продажу готам некоторых видов товаров. Все это, естественно, не могло не обострять противоречий между империей и готами. Локальные конфликты происходили и в связи с грабежами пограничных войск, которыми, вероятно, подвергалось не только местное население, но и пограничные готы и готские купцы. Взаимоотношения между готами и империей были настолько напряженными, что Юлиан, по-видимому уже в 362 г., считал неизбежной войну с ними. В письме фракийцам, оправдывая взимавшиеся с них поборы на содержание фракийской армии, он писал им: «Вы сами, конечно, скоро почувствуете, что она охраняет для вас мир и безопасность»⁴¹.

В 364 г. начинаются первые столкновения, и готские отряды вторгаются во Фракию⁴². Народные массы провинции, по-видимому, не оказали сопротивления, а возможно, и поддержали готов, и окрыленные успехом готы начинают подготавливать в 365 г. новое, более крупное нападение. Узнав об этом, Валент вынужден был выделить довольно значительную часть своих сил, собранных для войны с Ираном, для отражения готов.

Таким образом, к 365 г. как внутренняя, так и внешняя обстановка во Фракии была весьма напряженной.

Широкое недовольство царило и в ряде малоазийских провинций, Понте, Вифинии, Каппадокии, где также шел интенсивный процесс разорения и закабаления еще оставшейся свободной части крестьянства, жившего в упоминаемых законодательными памятниками IV в. свободных деревнях и *visi publici*⁴³. Ухудшалось и положение колонов Азии. Указ 365 г. на имя Клеарха, викария Азии, свидетельствует о дальнейшем разорении колонов, вынужденных продавать последние остатки своей земельной собственности. Правительство и здесь идет навстречу хозяевам колонов, запрещая колонам продавать свои собственные участки без разрешения господина⁴⁴.

Значительная часть обрабатывавшихся земель в провинциях Малой Азии принадлежала императорскому фиску. Надписи IV в. свидетельствуют о том, что крупные казенные имения находились на территории, охваченной впоследствии восстанием Прокопия, в частности около Никеи, Никомидии, Прусы⁴⁵. Положение зависимого населения, рабов и колонов этих имений также было крайне тяжелым. Управители и арендаторы имений буквально разоряли зависимое от них земледельческое население, спеша нажиться во время управления ими. Эдикт 365 года прямо предлагает всем ограбленным акторами частных императорских имений без боязни обращаться к судьям с жалобами на грабежи и притеснения акторов⁴⁶. Осуждению грабежей прокураторов посвящен и эдикт 367 г.⁴⁷ Однако реальных результатов от этих постановлений, по-видимому, не было, так как надпись — рескрипт императора Валента от 370 г. о передаче городам

⁴¹ Julian., Ep., 73, p. 428 C—D.

⁴² Amm. Marc., XXVI, 4, 5: „Thraciam diripiebant praedatorii globi Gothorum“.

⁴³ М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории... ВС, 1945, стр. 34—35; И. С. Свенцицкая. Западная Малая Азия в системе Римской империи. ВДИ, № 2, 1955, стр. 24—25. А. Делеаж даже приходит к выводу, что в Малой Азии в IV в. господствовала мелкая крестьянская собственность (A. Déleage. La capitulation du Bas-Empire. Mécon, 1945, p. 163).

⁴⁴ Cod. Theod., V, 19, 1: „Non dubium est colonis arva, quae subigunt, usque adeo alienandi ius non esse, ut, et si qua propria habebant, inconsultus atque ignorantibus patronis in alteros transferre non liceat“.

⁴⁵ L. Robert. Études anatoliennes. Paris, 1937, p. 241—242.

⁴⁶ Cod. Just., III, 26, 9.

⁴⁷ Cod. Theod., X, 2, 1.

Азии земель, входивших ранее в государственные имущества, — сообщает, что в результате хищений управителей в этих имениях произошло резкое снижение их доходности и казна фактически ничего не получала с этих имений. Поэтому они передаются городам провинции, которые, может быть, сумеют поднять их доходность и использовать полученные от их эксплуатации средства на поддержание стен и общественных сооружений городов⁴³.

Понятно, что если даже императорская власть признавала себя бессильной ограничить грабительство прокураторов, то как могли реально защитить свои права прикрепленные к этим поместьям земледельцы? По-видимому, их крайне тяжелым положением и было вызвано бегство рабов и колонов из императорских имений, о котором сообщает один из относящихся к этому времени указов⁴⁹.

Тяжелое положение народных масс Малой Азии в эти годы усугублялось рядом стихийных бедствий, обрушившихся на эти провинции, в частности страшным землетрясением 21 июля 365 г., от которого сильно пострадали многие города.

Глухое брожение происходило и в других восточных провинциях. Тяжесть налогового гнета повсеместно усугублялась грабительством чиновников и особенно военных командиров. При Валенте, выдвинутом армией, военная верхушка пользовалась особым влиянием. По словам Аммиана Марцеллина, при нем «всем заправляли военные командиры и влиятельные при дворе лица»⁵⁰. Они беззастенчиво грабили провинциальное население, захватывали земли и имущество куриалов, мелких земельных собственников, обирали земледельцев. Аммиан Марцеллин особенно порицал Валента за то, что он «поднял спесь военного сословия к большому вреду для государства, всемерно возвеличивая их положение; как для государства, так и для частных лиц было губительно то, что он оставлял совершенно безнаказанными военных командиров, которые, чувствуя полную свободу, стали позволять себе невероятные преступления»⁵¹. Отдельные попытки Валента несколько ограничить произвол и грабежи провинциальной администрации и военных командиров, по-видимому, не дали положительных результатов.

Характеризуя положение в провинции в годы правления Валента, Либаний писал: «Всюду бедность, нищенство и слезы, и земледельцам представляется более целесообразным просить милостыню, чем обрабатывать землю; и тот, кто сегодня сам мог дать, завтра нуждается в том, кто подает»⁵². Не удивительно поэтому, что и остальные провинции «жаждали переворота, возмущаясь столь жестоким правлением»⁵³.

Развитие классовых противоречий во второй половине IV в. происходило в условиях дальнейшего ослабления единства господствующего класса, что также было одним из признаков назревания революционной ситуации, когда создается «тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов»⁵⁴.

⁴⁸ De moenibus instaurandis et de redivibus fundorum civitatum Asiae. Fontes Juris Romani Antejustiniani, t. I, p. 511, № 108. Florence, 1940.

⁴⁹ Cod. Just., XI, 67 (68), 3.

⁵⁰ Amm. Marc., XXX, 4, 2.

⁵¹ Amm. Marc., XXVII, 9, 4.

⁵² Liban., Orat., XVIII, 289; ср. Cod. Just., XI, 59, 3: „deserta praedia“.

⁵³ Amm. Marc., XXVI, 8, 14.

⁵⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 189.

В IV в. происходил быстрый рост крупного землевладения за счет поглощения мелкого и среднего, в связи с чем возрастало значение крупных землевладельцев, сенаторского сословия. Однако и среди этой узкой правящей верхушки империи не было прочного единства. В результате реформ Диоклетиана и Константина ее состав значительно пополнился за счет находившихся на службе у империи командиров варварских дружин, выходцев из неаристократических кругов, в частности представителей торговоремесленной верхушки, которые приобретали все возрастающее влияние в управлении. В значительной мере из них состояла командная верхушка армии и рекрутировался состав чиновно-бюрократического аппарата и двора. Эта новая служилая знать, влияние которой возрастало, потеснила старую родовую сенаторскую аристократию, и при всей общности многих основных интересов между ними существовали значительные противоречия.

Новая служилая аристократия активно стремилась к приобретению земельных имуществ, в том числе и за счет владений старой сенаторской аристократии, что безусловно не радовало последнюю. Она была недовольна падением политического значения своего оплота — сената — и ростом власти чиновно-бюрократического аппарата и двора, поддерживавших автократические стремления императорской власти. Она была недовольна тем, что императоры охотно назначали на высшие государственные и военные должности более послушных ей представителей новой знати, оттеснявшей старую сенаторскую аристократию от прибыльных военных и государственных должностей⁵⁵. Требования последней были наиболее определенно сформулированы в конце IV в. Синезием в его речи «О царстве».

Ее недовольство смыкалось с недовольством куриалов. Реформы Диоклетиана и Константина сильно ограничили права муниципального самоуправления и поставили его под жесткий и мелочный контроль чиновной администрации, превратили муниципальную аристократию из второго по своему общественно-политическому значению сословия империи в одно из второстепенных малопривилегированных сословий. Его представители прямо связывали упадок сословия куриалов с деятельностью Диоклетиана и особенно Константина, до которого «курии процветали во всех городах», а со времени которого «разгорелась искра злополучия»⁵⁶. Рост власти чиновно-бюрократического аппарата сводил на нет общественно-политическое значение курий и сословия куриалов, открывал перед чиновниками широкие возможности для активного вмешательства в муниципальную жизнь, расхищения городских и куриальных имуществ. Жалобы представителей муниципальной аристократии на притеснения и насилия чиновников и военных командиров, расхищение их имущества и разорение куриалов можно найти у всех писателей этого времени, принадлежавших к этому сословию или близким к нему кругам.

До последнего времени в научной литературе имела место известная недооценка социально-экономического и общественно-политического значения курий и сословия куриалов в IV в. Многие исследователи считали, что уже со времени Константина первые превращаются полностью в простой придаток чиновно-бюрократического аппарата, а сила сопротивления второго была уже ничтожна. Последние исследования М. В. Левченко и М. Я. Сюзюмова, статья Костера и новые находки эпиграфических

⁵⁵ С. И. Ковалев и Е. М. Штаерман. Очерки истории древнего Рима. М., 1956, стр. 318.

⁵⁶ Liban., Orat., XLIX, 2; LXII, 7—12.

материалов показывают, что в IV в. муниципальная аристократия, хотя и быстро разлагавшаяся, была еще значительной общественной силой и отстаивала свои сословные интересы и прежние привилегии, боролась за свое существование⁵⁷. Она не была заинтересована в бюрократизации империи и стремилась сохранить муниципальное самоуправление, влияние курий, точно так же как многие представители старой сенаторской аристократии — сената (первой курии империи, курии столицы) пытались сохранить известные республиканские традиции. Их объединял римский аристократизм, республиканизм, скрепленный тесными родственными узами, общие культурные традиции и, в известной мере, язычество, сплачивавшие их в неприязни к «низким варварам» и «выскочкам» из неаристократических кругов.

По линии язычества к ним примыкала и еще довольно многочисленная в IV в. языческая интеллигенция, жречество, недовольное установлением господства христианской церкви и преследованием языческих культов, закрытием храмов и передачей их имуществ церкви, усиливавшимся ограничением нецерковного образования.

Политика Констанция, продолжавшего линию Диоклетиана и Константина на укрепление власти бюрократического аппарата и ограничение прав курий, которые, по образному выражению Либания, при нем «походили на отошавших старух, одетых в лохмотья», не могла не усилить недовольство этих кругов господствующего класса⁵⁸.

Они оказались достаточно сильны, чтобы прийти к власти в правление Юлиана, открыто осуждавшего политику своих предшественников и особенно Константина, «новатора и разрушителя старых законов и обычаев»⁵⁹. Множество представителей новой знати было изгнано с важнейших постов в государственном и провинциальном управлении, частично и из армии⁶⁰.

При Юлиане был значительно сокращен штат двора и несколько упало его влияние⁶¹. В то же время Юлиан способствовал подъему значения сената, поощрял его законодательную деятельность и постоянно подчеркивал свое уважение к нему⁶².

Все эти политические перемены сопровождались значительным перемещением имущества. Конфискованное или захваченное в предыдущие правления имущество представителей старой сенаторской и муниципальной аристократии было возвращено прежним собственникам⁶³.

Многое сделал Юлиан и для возрождения муниципального самоуправления и укрепления положения сословия куриалов. Эдиктом 362 г. городам были возвращены все их прежние земельные имущества⁶⁴. О значении этих мероприятий свидетельствует пример Антиохии, которой было воз-

⁵⁷ М. В. Левченко. Синезий в Константинополе. УЗ ЛГУ, 1951, № 130, стр. 222; он же. Пентаполь по письмам Синезия. ВВ, IX, 1956, стр. 42; М. Я. Сюзюмов. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-римской империи IV в. УЗ Уральского Гос. ун-та, вып. 11, 1952, стр. 101, 121; С. Н. Coster. Synesius, a curialis of the time of the emperor Arcadius. Byz., XV, 1940—1941, p. 10—33.

⁵⁸ По словам ратора, «получив от отца искру злополучия, он довел ее до полного разгара». — Liban., Orat., XVIII, 147; ср. Zos., II, 38, 4.

⁵⁹ Amm. Marc., XXI, 10, 8.

⁶⁰ Amm. Marc., XXII, 4, 1—10; Socr. Shol., Historia Ecclesiastica, III, 1; PG, t. 67; Cod. Theod., VI, 24, 1; Liban., Orat., XVIII, 130—132, 158; II, 58.

⁶¹ Amm. Marc., XXII, 3, 11; 7, 6; Liban., Orat., XVIII, 130—132; II, 58; Socr. Shol., Hist. Eccles., III, 1.

⁶² Cod. Theod., IX, 2, 1; XI, 23, 2; Amm. Marc., XXII, 7, 3.

⁶³ Amm., Marc., XXV, 4, 6.

⁶⁴ Cod. Theod., X, 3, 1: „Possessiones publicas civitatibus iubemus restitutas ita, ut iustis aestimationibus lacentur, quo cunctorum possit civitatum reparatio procurari“; ср. Liban., Orat., XVIII, 185; XIII, 45.

вращено несколько тысяч клеров бывшей городской земли, в результате чего земельные владения города стали насчитывать свыше 10 тыс. клеров⁶⁵. Ряд указов этого времени был направлен к дальнейшему укреплению прав городов на их имущество⁶⁶. Кроме земельных владений, городам были возвращены и некоторые из их прежних доходов, отобранные при предшествующих императорах, например часть пошлин с городской торговли⁶⁷.

Значительно облегчено было положение самих куриалов. Юлиан заметно сократил размеры *augur согонатиум*, одновременно сняв недоимки за предшествующие годы⁶⁸. Либаний сообщает, что до Юлиана размеры этого побора быстро возрастали, и он превратился в один из наиболее тяжелых из числа лежавших на куриалах. До Юлиана города должны были подносить императорам венцы стоимостью в 1—2 тыс. номизм и более, а Юлиан ограничил их стоимость 70 номизмами и, в отличие от своих предшественников, твердо придерживался установленных обычаем сроков сбора *augur согонатиум*⁶⁹. Благоприятный для куриалов порядок был установлен и в отношении взимания с них хрисаргира⁷⁰.

Юлиан стремился поднять общественно-политическое значение курий, оградить их от произвола чиновно-бюрократического аппарата. Еще при жизни Констанция, когда Юлиан в качестве узурпатора двигался с армией к Константинополю, он, по свидетельству Аммиана Марцеллина, уже тогда проявлял к куриалам «особенную благожелательность», выдвигал их и представителей языческой интеллигенции на государственные должности, охотно принимал и выслушивал делегации муниципальных советов⁷¹, а в дальнейшем пытался различными путями поднять авторитет курий⁷². Эти меры дополнялись энергичным пополнением состава курий⁷³. Оценивая результаты деятельности Юлиана, Либаний писал, что он «вернул куриям прежние силы» и что при нем «дела курий процветали во всем... и в размерах их расходов, и в восстановлении их прежнего значения»⁷⁴.

Таким образом, политика Юлиана безусловно способствовала укреплению куриального муниципального строя. Об этом, в частности, свидетельствует изданный его ближайшими преемниками закон, направленный против попыток курий простираť свою власть на государственное имущество и накладывать повинности на имущества фиска⁷⁵. Юлиан также возвратил земли и имущество языческим храмам⁷⁶. Тесно связанное с куриями жрецество и языческая интеллигенция вновь оказались в привилегированном

⁶⁵ Julian., Opera. Ed. Harthein, t. I. Μισοπόγων, 362 с., 370.

⁶⁶ Cod. Just., XI, 70, 1—2.

⁶⁷ Amm. Marc., XXV, 4, 15; Liban., Orat., XVI, 19; Cod. Theod., XV, 1, 8—10.

⁶⁸ Amm. Marc., XXV, 4, 15; Liban., Orat., XVIII, 193; Cod. Theod., XII, 13, 1.

⁶⁹ Liban., Orat., XVIII, 193; Cod. Theod., XII, 3, 1: „Aurum coronarium munus est voluntatis“.

⁷⁰ Cod. Theod., XII, 1, 50.

⁷¹ Amm. Marc., XXI, 12, 23: „maxime municipalium ordinum ad quorum favorem propensior... plures muneribus annectebat“; Zos., III, 10, 4.

⁷² Cod. Theod., XII, 1, 53.

⁷³ Cod. Theod., XII, 1, 49—54; XIII, 1, 4; Julian., Opera, t. II, 1875, p. 475; Liban., Orat., XLVIII, 17—18; 146—148; Amm. Marc., XXV, 4, 21; XII, 9, 8, 12. В Антиохии число куриалов при Юлиане увеличилось с 60 до 200 (Liban., Orat., II, 33; Ep., 722).

⁷⁴ Liban., Orat., XLIX, 3; XVIII, 148.

⁷⁵ Cod. Theod., X, 4, 2.

⁷⁶ Cod. Theod., V, 13, 3; X, 1, 8.

положении⁷⁷. Однако политика Юлиана, консервирующая разлагавшиеся отношения, хотя, правда, и облегчила несколько положение средних и мелких собственников, но в целом не удовлетворяла большинство крупных землевладельцев, часть муниципальной верхушки и особенно церковь, что и привело к ее неудаче.

Переход власти к проводившему компромиссную политику Иовиану, а затем к Валенту, по существу, означал победу противников юлиановского курса. При Валенте были устранены с важнейших государственных постов многие приверженцы Юлиана. Внутренняя политика Валента носила ярко выраженный «антиюлиановский» характер и была направлена на дальнейшее расширение власти чиновно-бюрократического аппарата⁷⁸. Это особенно заметно в отношении курий, права и несколько возросшая при Юлиане административная и фискальная самостоятельность которых были резко ограничены. Они были вновь поставлены под жесткий контроль чиновной администрации. Если при Юлиане курии сами взыскивали подати с жителей города и его округа и как *exactores*, так и *suscptores* выбирались курией, а правительство не особенно строго взыскивало с куриалов недоимки, то теперь куриалы назначались только в качестве *exactores*, т. е. непосредственных сборщиков податей, а *suscptores* назначались из числа чиновников провинциальной администрации⁷⁹. Сбор ряда поборов вообще был передан провинциальной администрации⁸⁰. За несвоевременный взнос податей при Валенте куриалы стали все чаще подвергаться жестоким телесным наказаниям.

Значительная часть возвращенных Юлианом городам и языческим храмам земель была снова у них отобрана⁸¹. Были уничтожены и все налоговые облегчения, предоставленные им сословию куриалов.

Все это открывало широкие возможности для произвола чиновников. Яркий пример мы находим у Аммиана Марцеллина, который с возмущением описывает оставшийся совершенно безнаказанным произвол правителя Африки Романа в отношении куриалов этой провинции⁸².

Оценивая сложившуюся при Валенте обстановку, Либаний писал, что курии «вернулись к своему прежнему (т. е. бывшему до Юлиана. — Г. К.) положению, скорее, к еще более худшему»⁸³.

Прямым следствием политики Валента явился быстрый рост недовольства среди куриалов и части сенаторской аристократии, недовольной и тем, что Валент слишком энергично выдвигал на первые места в государственном управлении своих родственников и соотечественников-паннонцев⁸⁴. Поэтому некоторые язвительно называли его не «римским», а «паннонским императором» (ὁ Παίων βασιλεύς)⁸⁵.

Недовольна была Валентом и часть армии. Как известно, при Юлиане привилегированное положение в ней занимали галльские легионы, приведенные им с Запада. С приходом Валента в армии на первое место, естественно, выдвигаются преданные ему паннонские легионы и галльскую командную верхушку все более вытесняет паннонская. Множество воен-

⁷⁷ Cod. Theod., XIII, 3, 5.

⁷⁸ Santo Mazzarino. *Aspetti sociali del quarto secolo*. Roma, 1951, p. 189—190.

⁷⁹ Cod. Theod., XII, 6, 6 и 7; XII, 10, 1; Cod. Just., X, 72, 4.

⁸⁰ Cod. Theod., XII, 6, 6 и 7; XII, 10, 1; XII, 6, 5 и 8.

⁸¹ Cod. Theod., V, 13, 3; X, 1, 8.

⁸² B. H. Warmington. *The career of Romanus, comes Africae*. BZ, 49, 1956, S. 55 f.

⁸³ Liban., Orat., XIV, 44.

⁸⁴ Amm. Marc., XXVI, 1, 6; 4, 4; 5, 2—3; 5, 7; 10, 2. По этому вопросу см. A. Alföldi. *A conflict of ideas in the Later Roman Empire*. Oxford, 1952, p. 17 sq.

⁸⁵ Liban., Orat., XLVI, 30.

ных командиров-галлов было отставлено от службы, а многие сами были вынуждены уйти из армии. Потеря привилегированного положения не могла не вызывать недовольства галльской части армии Валента.

К этому следует присоединить и недовольство значительной части господствующего класса религиозной политикой императора. Ею, естественно, были недовольны не только язычники, лишившиеся всего, чего они достигли при Юлиане, но и множество христиан из-за арианского курса Валента, сопровождавшегося к тому же весьма энергичными преследованиями враждебных ему направлений и прежде всего никейства⁸⁶.

Вся эта оппозиция начинает постепенно группироваться вокруг родственника Юлиана — Прокопия, который для многих из них был знаменем возвращения к старому юлиановскому курсу.

Известно, что при жизни Юлиана Прокопий пользовался расположением императора и играл видную роль при дворе и в армии. Во время войны с Ираном ему было поручено командование крупным отрядом, действовавшим самостоятельно от главных сил армии. Ходили упорные слухи о том, что Юлиан будто бы намечал Прокопия преемником и советовал ему после своей смерти взять власть в свои руки. Вскоре после внезапной смерти Юлиана и избрания нового императора Прокопий, по-видимому не без оснований подозревавшийся в антиправительственной деятельности, вынужден был скрыться и прятаться от ищек Валента. Прокопий был подходящим для оппозиции кандидатом в императоры благодаря своим связям и влиянию в армии, а слухи о том, что Юлиан намечал его своим преемником, могли явиться для него известным оправданием попытки произвести государственный переворот.

В 365 г. деятельность враждебных Валенту группировок заметно усилилась. Об этом, в частности, свидетельствует широкое распространение различных подметных грамот антиправительственного содержания, заставивших Валента издать специальный закон, угрожавший суровыми карами тем, кто будет уличен в хранении или чтении подобных грамот, и обещавший награду за их передачу властям и поимку распространителей⁸⁷.

В 365 г. Прокопий, скрывавшийся до этого в отдаленных районах империи, перебрался поближе к столице, в область Халкидона, где тайно жил у одного из своих сторонников, сенатора Стратегия. Стратегий, о котором очень похвально отзывается идеолог муниципальной аристократии Либаний, принадлежал к старой сенаторской знати и, как можно предполагать из не очень ясного свидетельства Аммиана, по-видимому, как и многие другие сторонники Юлиана, после его смерти был отставлен от службы⁸⁸. Из своего убежища Прокопий часто тайком посещал Константинополь, очевидно, не только собирая слухи, как говорит Аммиан о цели его визитов, но и устанавливая связи со своими сторонниками в столице. В то же время он внимательно изучал и настроения народных масс, посещая людные места, площади и рынки. По словам того же Аммиана Марцеллина, он легко мог убедиться в том, что «многие... поносили Валента»⁸⁹. По-видимому, он и его приверженцы решили воспользо-

Момент для выступления был выбран чрезвычайно удачный. В конце лета 365 г. Валент вместе с императорской гвардией и двором отправился

⁸⁶ Socr. Shol., Historia Ecclesiastica, IV, 2—3; Sozom., Historia Ecclesiastica, VI, 7.

⁸⁷ Cod. Theod., IX, 34, 7.

⁸⁸ Amm. Marc., XXVI, 6, 5.

⁸⁹ Amm. Marc., XXVI, 6, 6.

из Константинополя в Сирию, куда уже из всех провинций были стянуты войска для участия в предстоявшей войне с Ираном. Военные силы, оставшиеся в столице и в близлежащих провинциях, были, по-видимому, весьма невелики, так как когда Валент, на пути в Сирию, получил известия о готовившемся набеге готов на Фракию, он вынужден был отправить из своей армии значительную ее часть для усиления фракийской армии. По-видимому, было решено воспользоваться отсутствием императора, двора и преданных Валенту войск и произвести переворот, опираясь на недовольное население города и прямых сторонников Прокопия и заручившись поддержкой посланных против готов легионов, которые должны были иметь двухдневную остановку в Константинополе. Расчет на поддержку этих легионов, как полагал О. Зеек, был обусловлен тем, что это были, вероятно, части, служившие во время предыдущей войны с Ираном под командованием Прокопия, среди состава которых он действительно имел много знакомых и, возможно, сторонников⁹⁰. 25—26 сентября они вступили в Константинополь, а 27 в столицу тайно прибыл Прокопий.

Сразу же после приезда он встретился с евнухом Евгением, незадолго до этого по неизвестным причинам отставленным от службы при дворе, предоставившим в его распоряжение крупные денежные средства (πλούτου κατ'ἄλλου) для подкупа солдат⁹¹. В тот же день Прокопий заручился поддержкой командного состава, легионов и ночью с 27 на 28, когда он явился в расположение этих частей, они целиком перешли на его сторону.

Первым же действием Прокопия был арест всех его заведомых противников. Фемистий с крайним негодованием рассказывает, как посланные им солдаты «варвары» и «злодеи» среди ночи захватывали представителей высшей знати и волокли их, полуодетых и перепуганных, по улицам столицы в тюрьму⁹². Среди схваченных были высшие чины империи: префект претория Небридий, префект города Кесарий и многие другие. К утру 28 сентября Прокопий уже мог открыто выступить перед константинопольским населением в качестве узурпатора. К этому времени число его сторонников заметно возросло. Кроме солдат, Прокопия и его соучастников поддерживали вооруженные ими рабы (δοῦλοισι δὲ πρὸς τοῦτοις ὀπλίσαυτες), многие из которых «сами добровольно присоединились к ним»⁹³.

В сопровождении солдат на рассвете Прокопий двинулся к преторию, куда уже стало стекаться возбужденное происшедшими событиями население столицы. Всеобщая ненависть к чиновникам Валента, особенно к беззастенчиво грабившему Фракию и жителей Константинополя тестю императора Петронию, а не страсть к сенсациям, как полагают некоторые буржуазные исследователи⁹⁴, обеспечила ему полное сочувствие городской бедноты, охотно провозгласившей Прокопия императором⁹⁵. В числе слоев городского населения, поддержавших Прокопия, Аммиан Марцеллин упоминает мелких ремесленников и торговцев (cupidiarum vilium mercatores), солдат и находившихся уже на покое ветеранов (qui intra regium apparebant aut parere disierant, quique coetu militarium nexi ad pacatoria vitae discesserant)⁹⁶. По-видимому, на его сторону стали и работники государ-

⁹⁰ O. Seeck. Op. cit., V, p. 48—49; Amm. Marc., XXVI, 6, 12; А. Солари в одной из статей, оказавшейся недоступной для автора настоящей работы, но выводы из которой даны в его монографии „Rinnovamento dell'Impero Romano“ (p. 9) по-видимому, удалось доказать, что это были галльские легионы Юлиана.

⁹¹ Zos., IV, 4.

⁹² Them., Orat., VII, 91.

⁹³ Zos., IV, 5; Them., VII, 91.

⁹⁴ Cambridge Medieval History, t. I, p. 220.

⁹⁵ Amm. Marc., XXVI, 6, 17—18; Socr. Schol., Historia Ecclesiastica, IV, 32.

⁹⁶ Amm. Marc. XXVI, 7, 1; Zos., IV, 4—5; Them., 86 c—d, 87.

ственных мастерских Константинополя, в частности монетарии, которые продолжали свою работу и начали чеканить новые монеты с изображением узурпатора⁹⁷.

Константинопольская верхушка, сенаторы — в массе своей — отнеслись к перевороту враждебно или, в лучшем случае, заняли выжидательную позицию. По-видимому, после удаления Валентом из высшего чиновного и военного аппарата многих приверженцев юлиановского курса среди знати осталось лишь весьма небольшое число сторонников Прокопия. Поэтому не удивительно, что, когда Прокопий после своего провозглашения императором направился в сенат, он нашел его пустым. Множество знати в эти дни бежало из столицы⁹⁸.

Захватив при поддержке населения власть в столице⁹⁹, Прокопий принимает самые энергичные меры для укрепления своего положения. Он быстро организует управление городом, префектом столицы назначает Фронемия, главой двора — Евфрасия — галлов, опытных полководцев, занимавших видные военные посты при Юлиане, а при Валенте находившихся, как и многие другие галльские командиры, в опале¹⁰⁰.

В то же время он весьма энергично ищет сближения со знатью из бывшего окружения Констанция, часть которой при Валенте также оказалась отодвинутой паннонцами. Ему удалось привлечь на свою сторону вдову Констанция Фаустину, которую он держал при своем дворе вместе с малолетней дочерью императора в большом почете¹⁰¹. Командование армией было поручено двум старым полководцам Констанция — Гомоарию и Агилону, возвращенным Прокопием из отставки. Однако основную его опору составляли представители старой сенаторской и муниципальной аристократии, языческой интеллигенции, сторонники юлиановского курса как в социальной, так и в религиозной политике. Это люди типа Гиперегия, ближайшего помощника и друга Прокопия, представителя старой муниципальной знати, происходившего из видной куриальной семьи Анкиры, ученика Либания¹⁰², или Андроника, также представителя муниципальной знати и язычника, назначенного Прокопием правителем Фракии, который был «твердым оплотом» узурпатора, хотя «прекрасно знал, что им предстоит борьба с врагом, значительно превосходящим их силами, и что он принимает участие в малонадежном деле»¹⁰³. Прокопия поддержала и языческая интеллигенция. Когда произошел переворот, Прокопия посетил видный кирик Ираклий, призвавший его к твердости и решительности в действиях¹⁰⁴.

Дальнейший успех узурпатора во многом зависел от позиции довольно сильной, по сравнению с имевшимися у Прокопия силами, фракийской армии, находившейся поблизости от Константинополя. Однако как армия, так и все население провинции — рабы, колонны, варвары-поселенцы, «стоявшие под одинаковым бременем», — целиком перешли на его сторону¹⁰⁵. Так «без пролития крови было приобретено воинственное население Фракии и тем самым получена великая помощь для мятежных действий»¹⁰⁶.

⁹⁷ Ам. Марс., XXVI, 7, 1; V. Grumel. Numismatique et histoire: L'époque valentinienne. Revue des études Byzantines, XII, 1954, p. II.

⁹⁸ Ам. Марс., XXVI, 7, 1.

⁹⁹ Либан., XIX, 15; Philostorgi Hist. Eccl., IX, 5. PG, t. 65, col. 527.

¹⁰⁰ Ам. Марс., XXVI, 7, 4.

¹⁰¹ Ам. Марс., XXVI, 7, 10.

¹⁰² Ам. Марс., XXVI, 8, 5; Либан., Ep., 1267 и 1347.

¹⁰³ Либан., Orat., LXII, 56—61.

¹⁰⁴ Eunap., fr. 31/32. FHG, t. IV.

¹⁰⁵ Ам. Марс., XXVI, 6, 9.

¹⁰⁶ Ам. Марс., XXVI, 7, 5.

Видимо, к ним примкнули и города провинции. Фракия стала центром восстания, доставившим Прокопию значительные военные силы. Зосим говорит, что теперь к нему «присоединились отряды из римлян и множество варваров» (поселенцев)¹⁰⁷. Утвердившись во Фракии, Прокопий мог беспрепятственно вступить в сношения с задунайскими готами. «Тотчас же он отправил некоторых из приближенных к правителю живущих по ту сторону Истра скифов, который послал ему в помощь десять тысяч мужественных воинов»¹⁰⁸. «Начали собираться и другие варварские племена»¹⁰⁹.

Присоединение Фракии сразу укрепило положение Прокопия, и часть занимавшей выжидательную позицию знати из окружения Констанция решилась открыто примкнуть к удачливому узурпатору, спеша получить доходные должности. Прокопий безусловно меньше всего думал об интересах народных масс и поэтому продавал должности за деньги тем, кто желал нажиться за счет грабежа населения¹¹⁰. Однако, по-видимому, ему приходилось считаться с настроениями народных масс и в какой-то мере выдвигать на должности и людей «из низов». Во всяком случае Аммиан Марцеллин утверждает, что при нем «люди, принадлежавшие к низам, выдвинулись наверх самым дерзким образом»¹¹¹.

Окрыленный успехом Прокопий тайно направил преданных ему людей в соседний с Фракией Иллирик, также находившийся в состоянии глухого брожения, так как положение здесь было во многом сходным с положением во Фракии. Здесь также происходит интенсивный рост крупного землевладения. «Воинственные иллирийцы», как их называет Аммиан, разорвались и закабалялись крупными землевладельцами и чиновниками провинциального аппарата. Один из эдиктов, относящихся к Иллирику, от 365 г., провозглашает своей задачей защитить население от злоупотреблений чиновников фиска и «тирании» сильных людей (*potentes*)¹¹². Эдикт 368 года сообщает о том, что чиновники провинциального аппарата Иллирика налагают на земледельцев (*rusticani*) повинности, как на собственных рабов, отбирают у них упряжную скот и рабов (*rusticano... obsequii quasi mancipio sui iuris imponant aut servum eius vel forte bovem in usus proprios necessitatesque converterint*)¹¹³. О резком ухудшении положения населения Иллирика в годы, непосредственно предшествующие восстанию, говорит Аммиан Марцеллин. По его словам, при Констанции, в годы пребывания на посту префекта Иллирика Анатолия, провинция находилась в «цветущем состоянии». «Благожелательный и деловитый, он сумел восстановить расстроенную общественную жизнь провинции. Он облегчил тяжелое бремя почтовой повинности, от которой погибло много состояний, и предоставил населению твердую надежду на уменьшение прямых податей»¹¹⁴. Однако в последующие годы, т. е. в 60-е, положение резко изменилось. «Счастливо, не подвергаясь обидам и не производя беспорядков, могло бы жить население той провинции, не имея никаких поводов для жалоб, если бы впоследствии не были придуманы самые возмутительные налоги, возросшие благодаря взаимным распрям между плательщиками и сборщиками... другие считали себя обеспеченными не раньше, чем разорив всех пла-

¹⁰⁷ Zos., IV, 6: Ῥωμαίων τε γάρ τάγματα καὶ βαρβάρων αὐτῷ πλῆθος προσετίθετο; А. Д. Дмитриев. Ук. соч., стр. 69.

¹⁰⁸ Zos., IV, 7: Ἐστέλλε πρὸς τὸν ἔχοντα τὴν ὑπὲρ τὸν Ἰστρον Σχυθῶν ἐπικράτεια.

¹⁰⁹ Ibidem: Καὶ ἄλλα δὲ βαρβάρων ἔθνη συνήει.

¹¹⁰ Amm. Marc., XXVI, 7, 6.

¹¹¹ Amm. Marc., XXVI, 7, 7.

¹¹² Cod. Theod., I, 29, 1.

¹¹³ Cod. Just., XI, 55, 2.

¹¹⁴ Amm. Marc., XIX, 11; XXIV, 12.

тельщиков, так что несчастные люди или подвергались изгнанию, или решались на самоубийство»¹¹⁵.

В этом, вероятно, и следует видеть одну из причин, почему иллирийское население вполне могло присоединиться к восстанию, и Прокопий послал туда своих эмиссаров, которые распространяли среди населения золотые монеты с его изображением и убеждали жителей провинции примкнуть к восстанию. Аммиан Марцеллин прямо говорит о том, что целью этих агентов Прокопия было «захватить Иллирик»¹¹⁶. Рассчитывая сделать это с помощью нескольких человек, Прокопий, надо думать, имел какие-то серьезные основания надеяться, что ему удастся поднять восстание в Иллирике. О реальности этих расчетов говорит и тот факт, что администрация Иллирика была чрезвычайно обеспокоена появлением эмиссаров Прокопия и предприняла энергичные меры для их поимки. Они были схвачены вскоре же после появления в пределах провинции и не смогли выполнить свою задачу¹¹⁷. Однако угроза распространения восстания на Иллирик, вероятно, продолжала оставаться весьма реальной, так как военное командование провинции все свои усилия направило на то, чтобы закрыть фрако-иллирийскую границу. Сильными военными отрядами были перекрыты все три горных перевала, связывавших эти провинции. Таким образом, командовавшему иллирийской армией Эквицию удалось предотвратить возможное распространение восстания на северо-западные провинции, в результате чего от Прокопия «ушли огромные военные силы»¹¹⁸.

Теперь восстание могло распространяться только в сторону малоазийских провинций, куда Прокопий и обращает свои основные усилия. Это было тем более необходимо, что к Константинополю подходила основная часть армии, отправленной Валентом еще до переворота на борьбу с готами, состоявшая из пеших и конных отрядов. Среди солдат и военачальников этих легионов также было много недовольных Валентом, и после недолгих переговоров они целиком перешли на сторону Прокопия, у которого теперь образовалась большая регулярная армия, способная бороться против Валента.

Тем временем известие о перевороте дошло до Валента через бежавших из Константинополя придворных. Напуганный быстрым распространением восстания, Валент лишь рассчитывал на то, что ему удастся преградить его распространение на восточные провинции^{118а}. Поэтому он поспешно выступил с армией в Галатию.

В это время Прокопий уже находился в Малой Азии, повсюду встречая поддержку населения. Уже в первые дни восстания в его руках оказался Халкидон. Обладая превосходными, почти неприступными укреплениями, этот город мог бы выдержать любую осаду. Однако его население, как и население многих других городов Вифинии и Геллеспонта, добровольно перешло на сторону узурпатора. Положение торгово-ремесленного населения в этих городах было особенно тяжелым. С расцветом Константинополя эти города приходили во все больший экономический упадок. Ремесленники и купцы были не в состоянии конкурировать с поставленными в привилегированное положение столичными торгово-ремесленными кругами, часть

¹¹⁵ Amm. Marc., XIX, 11.

¹¹⁶ Amm. Marc., XXVI, 7, 10.

¹¹⁷ Ibidem.

¹¹⁸ Amm. Marc., XXVI, 7, 12.

^{118а} Правивший на Западе Валентиниан не мог прийти на помощь Валенту, так как сам вынужден был бросить все свои силы на борьбу с алламанями. См. N. B. Valnes. The Chronology of the campaigns of Valentinian. Byzantines Studies and other Essays. London, 1955, p. 317—320.

которых была связана с императорским двором, находилась под его покровительством и, как показывает эдикт Валента от 364 г., сильно злоупотребляла своими привилегиями¹¹⁹. Кроме того, по-видимому, в этих близлежащих к Константинополю районах особенно ошутимо чувствовалась тяжелая рука византийской столичной администрации. Поэтому неудивительно, что «скорее, чем можно было ожидать», была захвачена Прокопием и «одна из сильнейших крепостей и многолюдный город» Никея и ряд других крупных городов¹²⁰. По-видимому, и здесь его поддержали работники государственных мастерских. Монетные дворы Гераклеи, Кизика и Никомидии стали чеканить монету для узурпатора¹²¹.

Узнав о продвижении Валента в Галатии, Прокопий с одним легионом и насуп собранном ополчении, которое Аммиан называет «смешанной толпой дезертиров» (*desertorum plebs promiscua*), поспешно выступил навстречу императору и вскоре, у Мигда на Сангарии, столкнулся с двумя передовыми легионами Валента, отправленными для неожиданного нападения на лагерь Прокопия. И среди этих солдат оказалось множество недовольных «паннонским вырождением», как официально именовал Прокопий императора, и они без боя перешли под знамена узурпатора¹²².

Тем временем основные силы Валента, достигнув Никомидии, двинулись на осаду цитадели восставших в Малой Азии — Халкидона, а один из отрядов был отправлен для захвата Никеи. Однако осада Халкидона оказалась безуспешной. Население города выражало единодушную ненависть к Валенту, и «чрезвычайное упорство его защитников» заставило императора отказаться от продолжения осады¹²³. Его отступление было ускорено тем, что повстанцы, осажденные императорскими войсками в Никее, разгромив осаждавших, двинулись на помощь Халкидону, угрожая выйти в тыл армии Валента. В этих условиях последний вынужден был поспешить со снятием осады и «ускоренным маршем» отступить далеко в глубь Малой Азии, в Анкиру¹²⁴. Так благодаря поддержке населения, в том числе и горожан, в результате первой части кампании вся провинция Вифиния и половина Геллеспонта оказались под властью Прокопия. Вскоре ему удалось овладеть и остальной частью Геллеспонта.

Таковы были успехи Прокопия к зиме 365 г., когда наступил перерыв в военных действиях. Аммиан Марцеллин говорит о всеобщем сочувствии (*simplicium assensio*) узурпатору в оставшихся под властью Валента провинциях, на которые «он мог беспрепятственно и свободно распространить свою власть»¹²⁵. Однако здесь-то, очевидно, в полной мере и сказалось то, что Прокопий был не вождем народного восстания, а обыкновенным узурпатором, использовавшим в своих целях народное недовольство, но боявшимся роста народного движения. Поэтому он искал поддержки не у народных масс восточных провинций, а у сочувствовавших ему куриальных кругов, и отказался от решительных действий. Он рассылал послания в города Азии, призывая их перейти на его сторону¹²⁶. Его сторонники из числа куриалов в это время активизировали свою деятельность даже в городах, весьма отдаленных от района восстания, в частности в Антиохии. Так, видного идеолога муниципальной аристократии и ревностного

¹¹⁹ Cod. Just., IV, 63, 1; Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951, стр. 57—58.

¹²⁰ Аммиан Марс., XXVI, 6, 9; 8, 1.

¹²¹ V. Grumel. Op. cit., p. 11.

¹²² Аммиан Марс., XXVI, 7, 13—17.

¹²³ Аммиан Марс., XXVI, 8, 3.

¹²⁴ Аммиан Марс., XXVI, 8, 4.

¹²⁵ Аммиан Марс., XXVI, 8, 14.

¹²⁶ Аммиан Марс., XXVI, 8, 14.

защитника интересов сословия куриалов Либания впоследствии, после разгрома восстания, хотели привлечь к суду в качестве соучастника Прокопия. Его обвиняли в том, что, ожидая новых успехов узурпатора и готовясь к его вступлению в Антиохию, Либаний составил в его честь хвалебную речь, содержание которой было, очевидно, известно не только его единомышленникам из числа куриалов¹²⁷. О сочувствии Либания и близких ему кругов восстанию Прокопия говорит и тот факт, что среди сторонников узурпатора оказались многие друзья и ученики ратора¹²⁸.

Зима 365 г., таким образом, ознаменовалась приостановкой военных действий. Но оба противника старались подготовить силы для решающей схватки. Прокопий повсюду набирал опытных «в сражениях» людей¹²⁹. Однако в этих условиях начинало все в большей мере казаться то, что под властью Валента сохранялись наиболее богатые провинции, дававшие казначейству основную массу доходов. Прокопий, по справедливому выводу Зеека, ощущал все больший недостаток средств, необходимых для содержания армии и оплаты наемных варварских отрядов¹³⁰. Не случайно он так старательно разыскивал «людей, обладавших искусством добывать золото из россыпей»¹³¹.

Он, естественно, не мог увеличить поборы с представителей поддержавшей его группировки, с сословия куриалов, так как это ослабило бы его социальную базу как в районах восстания, так и в оставшихся под властью Валента провинциях. Усилить налоговый нажим на народные массы, поддержавшие Прокопия только из недовольства жесткой податной политикой Валента и грабительством его чиновников и надеявшиеся добиться облегчения своего положения, в этот решающий период борьбы также было невозможно. Это окончательно оттолкнуло бы их от Прокопия.

У него оставался один, в любом случае чреватый для него тяжелыми последствиями выход — получить необходимые средства путем конфискации имущества и усиленных поборов с представителей знати, не примкнувших к движению и продолжавших еще занимать выжидательную позицию.

Как мы уже отмечали, ему удалось привлечь на свою сторону часть представителей знати из «партии Констанция». Однако большинство константинопольских сенаторов и во время наибольших успехов узурпатора не примкнули к нему или заняли враждебную позицию. Прокопий вдвое увеличил поборы с их имущества и, по словам константинопольского сенатора Фемистия, буквально разорял тяжкими поборами представителей senatorской аристократии¹³². Поборы особенно усилились зимой 365—366 гг., когда Прокопий вынужден был прибегнуть и к таким крайним мерам, как конфискация имущества наиболее богатых сенаторов, занимавших нейтральную или враждебную позицию. Так, им были захвачены «несметные богатства» сенатора Арбициона, в прошлом одного из крупных военачальников, пользовавшегося большой популярностью в армии¹³³. До этого Прокопий тщательно оберегал его имущество, надеясь привлечь его на свою сторону.

¹²⁷ Liban., *Bios...*, 163—164; см. также Liban., XI, p. 628: ἐγκώμιον Προκοπίου.

¹²⁸ Liban., *Orat.*, LXII, 56—61.

¹²⁹ Amm. Marc., XXVI, 8, 14.

¹³⁰ O. Seeck. *Op. cit.*, t. V, p. 52—53.

¹³¹ Amm. Marc., XXVI, 8, 14.

¹³² Them., VII, 91: καὶ τὴν μὲν σεμνὴν γερουσίαν εἰσπράσσειτο εἰσφοράς πολυστενάχτους οὐκ οἶδ' ὅπως ἐνιαυτοῦ...

¹³³ Amm. Marc., XXVI, 8, 13.

Эти действия, естественно, не могли не встретить широкого одобрения среди народных масс и безусловно способствовали усилению народной стороны движения. В то же время они сразу же и окончательно оттолкнули от узурпатора остававшуюся еще нейтральной часть знати и превратили ее в активных сторонников Валента. По-видимому, это углубило разногласия и среди сторонников Прокопия. В пользу этого предположения говорит, в частности, оценка Аммианом Марцеллином конфискаций имущества сенаторов. Как это убедительно обосновал Э. А. Томсон, Аммиан принадлежал к куриальным кругам и являлся, по-видимому, выразителем их интересов¹³⁴. Его возмущение вызывает сам факт «посягательства на чужое имущество», который, по его твердому убеждению, неизбежно должен был привести к «самым тяжелым последствиям» для узурпатора¹³⁵. По-видимому, таково же было отношение к этим действиям Прокопия и со стороны всего сословия куриалов, и Прокопий начинает быстро терять своих сторонников.

Положение Валента значительно облегчалось тем, что он не испытывал недостатка в средствах и людских ресурсах. Кроме того, он умело использовал в своих интересах затруднения, с которыми столкнулся Прокопий, и всячески старался усилить брожение и вызвать раскол среди его сторонников. Он охотно принимал и осыпал милостями представителей знати, бежавших от Прокопия, а главное, на время несколько ослабил жесткую политику, ущемлявшую интересы куриалов и оппозиционных политических группировок, с которыми он теперь искал сближения. Это нашло свое выражение в ряде эдиктов 365 г. и в назначении префектом претория явно компромиссной фигуры — Саллютия, представителя старой знати и язычника, занимавшего этот пост при Юлиане и Иовиане, получившего отставку в начале правления Валента за несогласие с его политикой, чело- века, которого Либаний всегда очень энергично хвалил за его заботу о городах и о «процветании курий»¹³⁶. Временно были прекращены и религиозные гонения против многочисленных и влиятельных на Востоке приверженцев никейского православия. Церковный историк Сократ Схоластик прямо связывает это с событиями восстания Прокопия¹³⁷.

Таким образом, Валенту удалось к весне 366 г. достигнуть компромисса с оппозиционными кругами.

В начале весны 366 г. с большой армией он двинулся к Пессинунту, расположенному на чрезвычайно важном в стратегическом отношении перекрестке дорог, ведущих в Константинополь и глубинные районы Малой Азии, а затем выступил в Лидию против находившейся там части войск узурпатора, руководимой Гомоарием. Он решил воспользоваться оплошностью Прокопия, который не позаботился собрать воедино свои силы. У Тиатиры произошло первое столкновение Валента с не ожидавшим его появления Гомоарием. Однако, несмотря на неожиданность нападения, Валент встретил «очень упорное сопротивление», вызванное «ожесточением солдат» Прокопия. В ходе сражения армия Валента оказалась перед угрозой поражения, и император вынужден был прибегнуть к другим средствам, чтобы добиться победы. С помощью Арбициона он сумел использовать противоречия в лагере Прокопия и толкнуть на путь измены

¹³⁴ E. A. Thompson. The Historical Work of Ammianus Marcellinus. Cambridge, 1947, p. 2; См. рец. С. В. Поляковой на книгу Э. Томсона в ВВ, IX, 1956.

¹³⁵ Amm. Marc., XXVI, 8, 14.

¹³⁶ Liban., Ep. 1143, 1148, 1224, 1429.

¹³⁷ Socr. Schol., Historia Ecclesiastica, IV, 6; Sozom., Historia Ecclesiastica, VI, 8.

командную верхушку во главе с самим Гомоарием. В ходе сражения последний неожиданно перешел на сторону Валента, что привело к сдаче всей армии¹³⁸.

Окрыленный победой Валент выступил против основных сил восставших, расположенных около Наколии Фригийской. Слухи об измене Гомоария уже достигли лагеря Прокопия, и многие из представителей знати склонялись к мысли последовать этому примеру. И когда дело дошло до решительного сражения, командовавший армией Агелон с «множеством других» действительно перешел на сторону императора¹³⁹. Прокопий с несколькими приближенными бежал, но его спутники вскоре схватили его и выдали Валенту. 27 мая 366 г. он был казнен.

В нашей литературе поражение восстания Прокопия обычно объясняется случайной изменой двух полководцев Прокопия. Так, А. Д. Дмитриев писал: «Войска Валента были разбиты, и только измена двух высших командиров войска Прокопия решила дело в пользу Валента»¹⁴⁰. Е. М. Штаерман также видит причину поражения в «предательстве одного из военачальников Прокопия»¹⁴¹.

Рассмотренный выше материал, как нам представляется, позволяет отказать от объяснения причин поражения Прокопия случайными обстоятельствами. Прокопий был выдвинут оппозиционно настроенными по отношению к Валенту кругами господствующего класса, куриалами, расчитывавшими с его помощью изменить политику правительства в отношении этих кругов. В борьбе за осуществление переворота они решили использовать и назревшее недовольство народных масс империи. Однако в ходе восстания поддерживавшие Прокопия круги, напуганные ростом народного движения и недовольные рядом радикальных мер, которые вынужден был предпринять Прокопий, все более отходят от него и склоняются к примирению с правительством. Одним из выражений этого и явился факт измены сторонников узурпатора. Таким образом, основной причиной поражения Прокопия следует считать не измену отдельных полководцев, а утрату им в ходе восстания поддержки тех кругов господствующего класса, которые составляли ранее его опору.

Однако разгромом и казнью Прокопия движение не закончилось. Находившийся в Никее с небольшим отрядом бывший полководец Юлиана Марцелл провозгласил себя императором¹⁴². На его сторону стали Халкидон и почти вся Фракия, куда он направился из Никей, рассчитывая пополнить свой отряд за счет еще продолжавшего борьбу фракийского населения и готов, 3 тыс. которых были несколько ранее направлены в помощь Прокопию готскими вождями и теперь находились на территории Фракии.

Против фракийских повстанцев в это время действовал прибывший из Иллирика Эквиций, который столкнулся здесь с упорным сопротивлением населения. Особенно ожесточенной была осада одного из крупнейших городов провинции — Филиппополя. Его жители защищались с отчаянной решимостью, и Эквиций долго не мог взять город, не овладев которым было рискованно двигаться к столице. Во время осады он получил известие о разгроме и гибели Прокопия и о выступлении Марцелла. Поспешно выделив часть осаждавших Филиппополь отрядов для действий

¹³⁸ А m m. Marc., XXVI, 9, 3—4.

¹³⁹ А m m. Marc., XXVI, 9, 7.

¹⁴⁰ А. Д. Дмитриев. Восстание вестготов на Дунае. ВДИ, № 1, 1950, стр. 70.

¹⁴¹ С. И. Ковалев и Е. М. Штаерман. Очерки истории древнего Рима. М., 1956, стр. 323.

¹⁴² А m m. Marc., XXVI, 10, 3.

против Марцелла, Эквиций успел нанести ему поражение прежде, чем тот смог собрать достаточные силы. Марцелл был схвачен и казнен вместе со своими сторонниками. Однако и после этого в отдельных районах продолжалось упорное сопротивление императорским войскам. Долгое время защищался прекрасно укрепленный Халкидон, который Валент, разгневанный упорством его жителей, поклялся лишить всех оборонительных сооружений¹⁴³.

Дольше всего держался Филиппополь, защитники которого «тогда лишь, и то после продолжительного сопротивления, сдались сами и сдали город, когда увидели голову Прокопия»¹⁴⁴.

Законодательные материалы, относящиеся ко времени подавления восстания, в известной мере позволяют судить о положении провинции во время самого восстания. Рабы и колоны разбежались от своих господ¹⁴⁵. Работники рудников также бросили свою работу, чем, очевидно, и было вызвано то, что Прокопий всюду разыскивал «людей, владевших искусством добывать золото из россыпей»¹⁴⁶. Многие присоединились к находившимся на территории Фракии готским отрядам. Вся Фракия была охвачена народным движением, для усмирения которого пришлось послать специальную карательную экспедицию под командованием двух полководцев Валента — Виктора и Аринфея.

По свидетельству Аммиана, «палач, орудия пыток, кровавые допросы начали свой путь, не разбирая ни пола, ни возраста, ни звания; над людьми всякого состояния и всех слоев общества совершали страшный суд под предлогом умиротворения, и все проклинали эту несчастную победу, более тяжкую, чем самая истребительная война. Множество невинных оказалось в руках карателей, и они погибали под пыткой или ударами срудий палача... не было никакого предела этим страшным бедствиям, пока и сам император и его приближенные не насытились деньгами и кровью»¹⁴⁷.

Захваченные в плен готы из числа посланных задунайскими вождями в помощь Прокопию были, по-видимому, обращены в рабство и проданы в города¹⁴⁸. Множество жителей провинции, рабов, колонов, мелких земледельцев, спасаясь от преследований, бежали к варварам. Однако после подавления движения во Фракии была предпринята карательная экспедиция и против задунайских готов (366—369 гг.), закончившаяся их разгромом.

Одновременно правительство принимает энергичные меры к розыску и возвращению к их господам рабов и колонов, работников рудников и государственных мастерских, угрожая тяжкими карами за их укрывательство¹⁴⁹.

Подавление восстания сопровождалось расправой и с представителями враждебной Валенту группировки знати, принявшими участие в восстании Прокопия. «Начались на знатных лиц проскрипции, изгнания и другие кары... и не было предела этим ужасным бедствиям»¹⁵⁰.

Сообщая о множестве казненных, Либаний и Аммиан Марцеллин упоминают среди них преимущественно представителей старой сенатор-

¹⁴³ Socr. Schol., Historia Ecclesiastica, IV, 8.

¹⁴⁴ Amm. Marc., XXVI, 10, 6.

¹⁴⁵ Cod. Just., VIII, 50, 19; XI, 47 (48), 8.

¹⁴⁶ Amm. Marc., XXVI, 8, 14.

¹⁴⁷ Amm. Marc., XXVI, 10, 9—14.

¹⁴⁸ Велизар Велков. Сведения на Темистий за Тракия, стр. 246.

¹⁴⁹ Cod. Theod., X, 19, 5; Cod. Just., XI, 47 (48), 8; Cod. Theod., X, 19, 7. Специальный закон 366 г. посвящен вопросу о тех лицах, кто „cum barbaris voluntate fuerit an coactus...“.

¹⁵⁰ Amm. Marc., XXV, 10, 5; XXVI, 6, 5; XXVI, 8, 10.

ской и муниципальной аристократии¹⁵¹. Среди привлеченных к суду было много и куриалов Антиохии, близких друзей и родственников Либания¹⁵². Как уже упоминалось, сам антиохийский ритор чуть не оказался в их числе¹⁵³.

Годы, последовавшие за подавлением восстания, ознаменовались дальнейшим наступлением на основы муниципального самоуправления, на сословие куриалов. Права курий были еще более ограничены. Вместо избравшихся куриями дефенсоров, защищавших их интересы, в городах появились дефенсоры, назначавшиеся центральной властью из числа бывших чиновников, что лишало курии значительной доли их самостоятельности¹⁵⁴. Сословие было поставлено под полный контроль чиновников, получивших широкие права подвергать куриалов телесным наказаниям за малейшее невыполнение муниципальных обязанностей и предписаний провинциальной администрации¹⁵⁵. Известно, что при Валенте впервые стали широко практиковаться казни куриалов за невзнос податей¹⁵⁶. Дальнейшему упадку муниципального землевладения способствовал и сильно ущемивший интересы куриалов закон 376 года, запретивший куриалам аренду городских земель¹⁵⁷. Тем самым к аренде городского имущества широко допускались крупные земельные собственники, служилая знать, что не могло не усилить процесс расхищения городского земельного имущества.

По свидетельству современников, сословие куриалов в результате политики Валентиниана быстро разорялось и приходило в упадок: «Тяжесть податей и многократное увеличение налогов заставляли часть представителей муниципальной знати из страха перед окончательным разорением искать другие места (т. е. спасаться бегством.— Г. К.); другие страдали от жестоких взысканий чиновников и, не будучи в состоянии выполнить их требования, становились обитателями тюрем»¹⁵⁸. Одно из посольств эпиrotов к императору сообщало ему, что в городах этой провинции очень многие даже из первых, т. е. наиболее состоятельных, членов курий окончили жизнь самоубийством или погибли под кнутом палача¹⁵⁹. Невыносимое положение толкало куриалов и близкие им круги на организацию заговоров, вроде известного заговора нотариуса Феодора. Однако после подавления восстания Прокопия силы сословия куриалов были окончательно подорваны.

Восстание Прокопия было широким и сложным по своему характеру и социальному составу движением, в котором проявились как острые классовые противоречия, обусловившие участие в нем широких народных масс, мечтавших добиться улучшения своего положения, так и весьма сильные противоречия внутри самого господствующего класса. Из раз-

¹⁵¹ A m m. Marc., XXVI, 6, 1—2; XXVI, 10, 2; Liban., Bios. . . , 163; Ep., 1352; Zos., IV, 10; Pauli Orosii Historiarum adv. paganos libri VII. Ed. C. Zangeimeister. Lipsiae, 1889. VII, 32, 4.

¹⁵² Liban., Orat., XXIV, 13—14; LXII, 56—59; Bios. . . , 163.

¹⁵³ Liban., Bios. . . , 163—164.

¹⁵⁴ Cod. Theod., I, 29, 1—3.

¹⁵⁵ Liban., Orat., XXVIII, 21; Cod. Just., X, 32, 33; Cod. Theod., IX, 1, 5.

¹⁵⁶ A m m. Marc., XXVII, 7, 6—7.

¹⁵⁷ Cod. Theod., X, 3, 2.

¹⁵⁸ A m m. Marc., XXX, 5, 6.

¹⁵⁹ A m m. Marc., XXX, 5, 10.

личных социальных и политических групп последнего в нем приняли активное участие прежде всего куриалы, часть старой сенаторской аристократии, языческая интеллигенция, наиболее консервативные круги господствующего класса, положение которых несколько упрочилось в годы правления Юлиана.

В правление Валента все эти круги попытались, опираясь на народное движение, снова добиться возвращения к выгодному для них юлиановскому курсу. Восстание было последним решительным сражением, которое дало сословие куриалов, прежде чем окончательно утратить самостоятельное общественно-политическое значение в жизни империи. Переворот Прокопия не удался, но развернувшееся во время восстания народное движение продолжалось. Оно не было задушено даже самыми жестокими репрессиями Валента, вынужденного серьезно посчитаться с фактом широкого недовольства народных масс Фракии. Хотя факты и свидетельствуют о значительно усилившемся закреплении свободного крестьянства, свободных колоннов¹⁶⁰, правительство и господствующий класс вынуждены были проявлять известную осторожность. И если не участвовавшие в восстании иллирийские колонны были закрепощены уже в 371 г., то во Фракии это было осуществлено значительно позже, чем во всех остальных провинциях — в середине 90-х годов¹⁶¹. Положение в районах, охваченных восстанием Прокопия, вызывало серьезное беспокойство правительства в годы, последовавшие за его поражением. И Аммиан Марцеллин, и видный идеолог сенаторской аристократии Фемистий осуждали впоследствии Прокопия не столько за то, что он решился на государственный переворот, сколько за то, что его предприятие, «затейное столь неосторожно и легкомысленно, разразилось такими скорбными бедствиями для государства», имея в виду развитие народного движения¹⁶². Именно за это ругает Прокопия Фемистий, сравнивая его со Спартаксом¹⁶³. Из этой его речи, относящейся к 368 г., явственно видно, сколько хлопот и неприятностей господствующему классу доставляло развернувшееся в ходе восстания Прокопия народное движение. Серьезно обеспокоенный острой социальной противоречий, Фемистий видит теперь единственное спасение в усилении диктатуры и отказывается от своей прежней политико-философской концепции, согласно которой во главе государства должен был стоять император-философ. Теперь он обосновывает новую теорию о том, что лучшим правителем может быть только *ὁ γενναῖος τύραννος*¹⁶⁴.

Не прекращавшееся на Балканах народное движение вспыхнуло с новой силой в 377—378 гг., когда Фракия стала ареной борьбы между империей и готами, поддержанными народным восстанием, борьбы, завершившейся адрианонопольской катастрофой, поставившей под угрозу всю восточную половину империи. Современники отмечали прямую связь между восстанием Прокопия и событиями 377—378 гг., рассматривая восстание как своего рода подготовительный этап к событиям 377—378 гг.¹⁶⁵, в ходе которых народные массы использовали приобретенный во время восстания Прокопия опыт борьбы и совместных действий с внешними варварами против империи.

¹⁶⁰ См., например, *Cod. Just.*, XII, 39, 2.

¹⁶¹ *Cod. Just.*, XI, 52, 1.

¹⁶² *Amm. Marc.*, XXVI, 6, 19.

¹⁶³ *The m.*, VII, 86: *ὅπερ τὸν Σπάρτακον ἐφρασόνετο.*

¹⁶⁴ *V. Valdenberg. Discours politiques de Themistius. . .*, Byz., t. I, 1932, p. 127.

¹⁶⁵ *Amm. Marc.*, XXVI, 6, 19.